

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

989-8
2314-4

На правах рукописи

УДК 007+101+164+17

ЛОВОВИКОВ Владимир Олегович

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОЦЕНКИ И НОРМЫ)

Специальность 09.00.01 – диалектический и
исторический материализм

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Свердловск – 1989

Работа выполнена в Институте философии и права Уральского
отделения АН СССР.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Г. Л. Тульчинский

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

А. Т. Ишмуратов

доктор философских наук, профессор

Д. В. Пивоваров

Ведущая организация - Пермский политехнический институт,
кафедра философии

Защита состоится " " 1989 г. в час.

на заседании специализированного совета Д 063.78.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук
при Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственном
университете им. А. М. Горького (620083, г. Свердловск, К-83, пр. Ле-
нина, 51, комната 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральского
университета.

Автореферат разослан " " 1989 г.

Ученый секретарь специализированного совета,
доктор философских наук, профессор

Г. П. ОРЛОВ

Подписано в печ.

17.08.89

НС

Объем 20 л. Тир. 100 экз. № 631

Свердловск, К-83, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ускоренное развитие производительных сил влечет за собой ускорение развития производственных отношений, которое требует ускорения нормотворческой, оценочной и нормоприменительной морально-правовой деятельности, поскольку базис и надстройка общества должны находиться в единстве. Для достижения быстроты морально-правового реагирования на изменяющиеся жизненные ситуации должны широко использоваться компьютеры. В связи с этим становится актуальной разработка морально-правового аспекта комплексной научно-технической программы "Искусственный интеллект". В настоящее время в рамках этой программы бурно развивается направление "Экспертные системы". Популярность экспертных систем обусловлена их способностью воспринимать знания от человека-эксперта в определенной области и обеспечивать доступ к ним, без чего практически невозможно обойтись при быстром принятии решений в чрезвычайно сложных ситуациях. Одно из направлений развития экспертных систем - применение глубинных знаний, включающих модели функциональных и каузальных отношений, лежащих в основе решаемой задачи. Задачи решаются на базе этих моделей, а не посредством эмпирических ассоциаций. Такой подход позволяет уменьшить пространство поиска за счет выбора модели наиболее адекватной классу решаемой задачи. В диссертации разрабатываются модели функциональных отношений, использующихся в оценочных и нормативных системах морали и права. Поэтому исследование актуально в связи с разработкой морально-правовых, например, судебных экспертных систем.

Согласно общепринятой классификации роботы делятся на три поколения: (1) жестко программные (грубо говоря, "бесчувственные"); (2) адаптивные ("очувствленные"); (3) "интеллектуальные" (богато "очувствленные" с элементами "искусственного интеллекта"). Для "малоинтеллектуальных" и "малоавтономных" роботов первых двух поколений поведенческий (морально-правовой) аспект еще практически несуществен, а гносеологический аспект особенно для второго поколения уже важен. Поскольку подавляющее большинство функционирующих в настоящее время роботов принадлежит к первым двум поколениям, постольку естественно, что до сих пор основное внимание уделялось именно гносеологическому, а не морально-правовому аспекту

робототехники. Однако переход к роботам третьего поколения требует, не ослабляя исследований гносеологического аспекта обратить внимание и на становящийся практически существенным поведенческий аспект. Постоянно возрастающая "оучувствленность", "интеллектуальность" и "автономность" роботов порождает предпосылки (условия, средства) и объективную социальную необходимость морально-правового регулирования и "саморегулирования" их "деятельности", что с необходимостью требует развития математизированной формальной этики.

Наряду с долговременной робототехнической перспективой есть и более близкие проблемы, требующие формально-этических знаний. Например, уже в наше время формально-этические исследования могут представлять интерес для оптимизации морально-психологической формы подачи информации человеку в человеко-машинных системах. Необходимо заняться "моральным воспитанием" современных компьютеров, нередко "бесцеремонно третирующих" человека в процессе "диалога". Под "моральным воспитанием" ЭИМ имеется в виду введение в ее программу моральной подпрограммы, регулирующей морально-психологическую форму "диалога" с человеком так, чтобы человек ощущал морально-психологический комфорт, подъем творческих сил, не приобретал "комплекс неполноценности".

Определенные выше аспекты актуальности работы относятся преимущественно к частнофилософскому и специально-научному уровням знания. Собственно философский уровень актуальности исследования заключается в потребности синтезирующего обобщения формально-логического, формально-этического и подобного частнофилософского и конкретно-научного материала до общефилософской концепции формализации любых сторон человеческой деятельности, а не только логической стороны мышления или морально-правовой стороны поведения. Актуальность стремления к созданию такой общефилософской концепции формализации деятельности обусловлена как внутренней теоретической необходимостью мировоззренческо-методологического согласования логики, этики, эстетики и других частных философских дисциплин на единой философской и специально-научной основе, так и упомянутыми выше внешними практическими потребностями развития техники и общественных отношений.

Теоретические источники, эмпирический материал и современное состояние научной разработки темы исследования. На собственно

философском уровне общности теоретическим источником развиваемой концепции относительности формализации деятельности и относительности интерпретации деятельностных форм является диалектическое учение о взаимосвязи формы и содержания, о конкретности и относительности истины, а также идея взаимосвязи человеческой деятельности и общественных отношений. Основным эмпирическим материалом (конкретными примерами) для развиваемой обобщенной философской концепции служат частнофилософские и конкретно-научные результаты формальной логики и формальной этики как ригористического, так и неригористического уровней. В рассмотрение вовлекаются как классические формально-логические конструкции, так и разнообразные неклассические формальные построения логики практических модальностей (норм, оценок, предпочтений, действий и т.п.). Принимаются во внимание различные уровни разработки концепции понимания. Учитываются психологические исследования человеческой деятельности и ее моделирование в математике. Содержательный анализ собственных структур нравственно-правовой деятельности дополняется учетом соображений "метаэтиков" и "метаюристов". Современное состояние научной разработки темы "формализация деятельности" имеет существенные недостатки и противоречия (несоответствия). В настоящее время в логике как одной из частных философских дисциплин, по ряду причин в некоторых отношениях продвинувшейся далеко вперед и играющей поэтому в упомянутых отношениях авангардную роль в прогрессе человеческой культуры, развито непосредственное математическое моделирование собственной структуры истины как характеристики познавательной деятельности. Но на более общем и абстрактном уровне глобального собственно философского и конкретно-научного междисциплинарного анализа деятельности пока еще не развито математическое моделирование фундаментальных принципов, обеспечивающих единство и взаимосвязь внутри системы собственных структур истины, добра и красоты, т.е. нет пока непосредственного математического моделирования структуры системы структур (своих собственных) качественно различных сторон деятельности. Кроме того, в настоящее время не развито непосредственное математическое моделирование ни собственных (этических) структур добра ("хорошести"), ни собственных (эстетических) структур красоты человеческой деятельности.

Цель и задачи исследования. Цель работы – частичная ликвидация указанных выше несоответствий и пробелов в развитии этики, логики и эстетики как элементов единой системы философских наук. Частичность заключается, например, в том, что подробная проработка эстетической компоненты в число задач диссертации не входит. Цель работы конкретизируется следующими задачами. Опирающееся на материалистическую диалектику формы и содержания выяснение философских оснований и определение важнейших общенаучных характеристик единого формального аппарата "деятельностного подхода" к анализу социальных явлений. Фундаментальное обобщение конкретного формально-логического (как логико-семантического, т.е. истинностного, так и логико-синтаксического, т.е. доказуемого) подхода к анализу мыслительно-логических структур познавательной деятельности до абстрактно-математического (в смысле Н.Бурбаки, т.е. не связанного жестко с понятиями "истинно" и "доказуемо") теоретико-предикатного подхода к формальному моделированию собственных структур любого произвольно взятого конкретного вида (аспекта, стороны) человеческой деятельности. Реализация эвристических потенциалов указанного фундаментального философского и специально-научного обобщения на конкретном материале формально-этических структур морально-правовой деятельности. Установление в рамках и посредством упомянутого обобщения структурных и функциональных взаимосвязей между логико-гносеологическими (истинностными) и морально-правовыми (ценностными) формальными моделями тех социальных действий и процессов взаимодействия, в которых познавательные и морально-правовые ценностные компоненты деятельности объективно связаны в единую систему. Нахождение и философское обобщение практически удовлетворительного критерия формально-этической адекватности, т.е. формально-этической непротиворечивости и формально-этической полноты, системы норм относительно соответствующей системы оценок. Конкретно определить и философски обобщить объективные условия и границы успешной применимости на практике основных формально-(эт)ических законов деятельности: формально-(эт)ического закона исключенного среднего (третьего); закона формально-(эт)ической непротиворечивости, т.е. последовательности, поведения. Выяснить отношения формально-(эт)ических законов деятельности к универсальным диалектическим принципам. Определить связь формально-(эт)ических законов и общечеловеческих норм (нравственности).

Методологические основы исследования. Философская методология – диалектический и исторический материализм, содержательная этика и философия права. Наряду с этим используются системы общенаучных и специальных понятий, методов и результатов психологии, математики, юриспруденции, формальной логики, робототехники и других дисциплин.

Научная новизна работы. На собственно философском уровне исследования, с учетом диалектической идеи относительности различия формы и содержания, формальности и содержательности предлагается новое научное направление общеправовых исследований человеческой деятельности, в рамках которого развивается предельно генерализованная концепция относительности формализации человеческой деятельности и относительности содержательной интерпретации схем человеческой деятельности.

Впервые формулируется общая концепция ...-ической формализации соответствующего фрагмента человеческой деятельности и ...-ической содержательной интерпретации ...-ических деятельностных форм или схем человеческой деятельности с помощью ...-ических отношений, где переменная "... " принимает значения из множества сторон человеческой деятельности: логико-гносеологическая; морально-правовая; эстетическая и т.д. При этом осуществляется философская универсализация аппарата исчисления предикатов, придавая ему статус общего метода анализа соответствующих собственных структур любых сторон человеческой деятельности. Впервые предлагается и обсуждается в качестве примера морально-правовая (нелогическая) интерпретация математического аппарата логики предикатов первого порядка.

Предлагаемое новое направление собственно философских, т.е. общеправовых, исследований человеческой деятельности, ориентированное на поиск и мировоззренческо-методологический анализ фундаментальных принципов организации единой системы взаимосвязанных структур различных сторон деятельности, с необходимостью ведет к развитию новых направлений научного поиска в частности философских дисциплинах, использующих и конкретизирующих общеправовую концепцию формализации деятельности, например, – к развитию логически неформализованной (и в этом конкретном смысле содержательной) формальной этики, предполагающей непосредственное математическое моделирование морально-правовой структуры поведе-

ния. В формальной этике как принципиально новом научном направлении исследования оценок, норм, предпочтений и действий, существенно отличающемся от формальной логики деонтических и аксиологических модальностей, новизна подхода заключается в том, что предметом содержательного рассмотрения и математического моделирования является не логическая форма оценок и норм как суждений (мыслей), а этическая форма оценок и норм как поступков. Исследовательская активность при этом заметно перемещается с анализа логической структуры мысли о морально-правовых действиях на непосредственный анализ морально-правовой структуры самих действий. Формально-этический подход отнюдь не отрицает формально-логический, а наоборот, будучи качественно иным, находится с ним в отношении дополительности.

Впервые осуществлен мировоззренческо-методологический, в частности диалектический, анализ основных формально-этических законов человеческой деятельности и ограниченности сферы и условий их применимости, сформулированы и рассмотрены как таковые формально-этические законы "морально-правовой непротиворечивости, т.е. последовательности, поведения" и "исключенного третьего (среднего)", т.е. ненейтральности, определенности и принципиальности позиций субъектов в борьбе добра и зла. Обсуждение формально-этических и формально-логических законов и их сопоставление друг с другом осуществляется с более общих философских позиций, согласно которым, формально-логические и формально-этические законы "непротиворечивости (последовательности)" и "исключенного третьего (среднего)" суть частные случаи, конкретные проявления более общих и фундаментальных формально-...-ических законов деятельности, а именно, закона ...-ической непротиворечивости (последовательности) деятельности и закона "исключенного ...-ического третьего (среднего)", т.е. закона ...-ической определенности (нейтральности) деятельности. Показано, что непустое множество формально-(эт)ических законов есть подмножество непустого множества общечеловеческих законов — так называемых "простых норм (нравствен)ности".

Впервые системно рассматриваются приближенные ("округленные") морально-правовые оценочные модальности (существенно хорошо; существенно плохо; оценочно несущественно, т.е. практически

нейтрально) и аппроксимированные ценностные морально-правовые функции, предлагается система практических модальностей более реалистичная и гибкая по сравнению с традиционными (ригористическими) вариантами "абсолютно точной" оценочной и нормативной логики. Научный поиск в этом качественно новом направлении, на основе модальной логики приближенных ("округленных") оценок и предпочтений, позволил впервые перейти от ригористического критерия формально-этической рациональности (адекватности), т.е. формально-этической полноты и формально-этической непротиворечивости, системы норм относительно соответствующей системы оценок к более реалистичному и гуманному (неригористическому) формально-этическому критерию, лучше соответствующему действительным морально-правовым отношениям и интуитивному смыслу понятий "обязательно", "запрещено" и "разрешено". Тем самым предложен оригинальный метод взаимной редукции соответствующих друг другу систем норм и систем оценок в практически рационально организованных морально-правовых системах. Впервые формулируются и сопоставляются друг с другом алгоритмические определения перформативных значений и ценностно-функциональных смыслов операций альтернативного и неальтернативного морально-правового выбора действий. На основе неригористической теории предпочтений предлагается оригинальный формально-этический критерий неригористической рациональности морально-правового выбора.

Впервые установлен изоморфизм структур классической формальной логики, ригористической формальной этики и классицистской формальной эстетики в условиях (границах) их сопоставимости и дано конкретное определение этих условий (границ). В связи с осуществленным в диссертации переходом от двузначных ригористических формально-...-ических моделей деятельности к более чем двузначным реалистическим моделям приведенное выше утверждение об изоморфизме оказывается частным случаем более общего и фундаментального тезиса об изоморфизме соответствующих "срезов" (подструктур) сложных многоуровневых структур истины, добра и красоты как форме проявления их единства. При сопоставлении качественно различных (разноуровневых) подструктур логических, этических и эстетических структур изоморфного соответствия сопоставляемых подструктур нет.

Посредством развития отношений взаимного моделирования между

структурами истины и добра впервые выявляются и анализируются как таковые логико-гносеологические аналоги морально-правовых явлений суперэрогазии (необязательное добро) и оффенс (незапрещенное зло). Рассматриваются неригористические истинностные модальности (существенно истинно; существенно ложно; приблизительно истинностно нейтрально, т.е. гносеологически несущественно), соответствующие неригористическим морально-правовым оценочным модальностям: существенно хорошо; существенно плохо; приблизительно оценочно нейтрально, т.е. аксиологически несущественно. Предлагаются неригористические логико-гносеологические критерии рациональности выбора теорий и их (теорий) семантической адекватности, т.е. непротиворечивости и полноты. При этом доказуемые модальности (доказуемо, опровержимо) трактуются как аналоги деонтических (обязательно, запрещено).

Практическая значимость исследования. Работа непосредственно представляет собой не прикладное, а фундаментальное исследование, имеющее преимущественно теоретическое значение для дальнейшего развития соответствующих разделов знания. Однако существует опосредованная связь полученных научных результатов с практикой и потребностями общества, указанными в разделе "актуальность темы исследования". Сформулированные в работе философские и общенаучные положения позволяют целенаправленно применять абстрактную математическую структуру логики предикатов для собственной формализации и интерпретации самых разных (не обязательно познавательных) сторон и аспектов человеческой деятельности, что необходимо для практического моделирования будущими относительно автономными "интеллектуальными" роботами не только логических структур познания, но также целой системы других существенных сторон человеческой деятельности, например, ее морально-правового аспекта. Формально-этическое моделирование может быть также использовано в процессе обучения и воспитания людей как без применения технических средств обучения, так и особенно при их применении. Имеются в виду отдельные фрагменты учебных курсов этики, медицинской деонтологии, правовой кибернетики и т.п. Философские обобщения и специально-научные результаты исследования внедрены соискателем в учебный процесс - используются при чтении лекций и ведении практических занятий по соответствующим разделам общего курса ло-

тики на философском факультете Уральского университета, а также в спецкурсе "Философия и неклассические формально-логические исчисления" для студентов того же факультета.

Апробация результатов исследования. Полученные результаты обсуждались на кафедре философии философского факультета Уральского университета, на заседании ученого совета и научном семинаре Института философии и права Уральского отделения АН СССР, а также на международных теоретических семинарах философских факультетов университетов Хельсинки и Турку во время научной стажировки соискателя в Финляндии в 1985 г. Упомянутые результаты опубликованы в двух индивидуальных научных монографиях, а также в серии статей. Основные положения работы излагались в докладах и сообщениях на следующих научных конгрессах, конференциях и семинарах: "Проблемы и перспективы использования логики-кибернетической техники" (Свердловск, 1980); "Наука и развитие общественных отношений" (Уфа, 1980); "Методологические вопросы оптимизации управления и повышения его эффективности" (Калинин, 1981); "Методологии системных исследований" (Москва, 1981); "Мораль, традиции, воспитание" (Уфа, 1987); "Рациональность и семиотика поведения" (Одесса, 1988); Второй семинар молодых ученых по проблемам аргументации (Ереван, 1986); IX Всесоюзное совещание по логике, методологии и философии науки (Харьков, 1986); УШ Международный конгресс по логике, методологии и философии науки (Москва, 1987). Представленная работа рассмотрена, одобрена и рекомендована для защиты на заседании ученого совета Института философии и права Уральского отделения АН СССР и на заседании кафедры философии философского факультета Уральского университета.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Объем - с. Библиография - 745 названий.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цели и задачи работы, характеризуется ее научная и практическая значимость, формулируются основные научные результаты.

В главе I - "Диалектический и исторический материализм как философская основа взгляда на логическую формализацию мышления

как на частный случай формализации деятельности" - выявляются философские предпосылки, возможности и границы "деятельностного подхода" к анализу социальных явлений. В § I. I анализируется диалектика содержания и формы и на этой основе "формализация" рассматривается как собственно философское понятие. Обосновывается относительность различия формы и содержания, содержательного и формального, активной и определяющей сторон диалектического противоречия. Демонстрируется относительность деления объектов на субстраты и предикаты, а предикатов - на свойства и отношения. Подчеркивается относительность формализации человеческой деятельности и относительность интерпретации деятельностных форм. При этом уточняется само понятие относительности.

Диалектика связи и развития формы и содержания такова, что постоянно происходящее в рамках некоторой формы относительно независимое от нее накопление количественных изменений содержания в конечном счете неизбежно "переходит" в качественное изменение формы: ведет от одной (старой) формы к другой (новой) и в этом конкретном смысле и отношении содержание представляет собой ведущую (к новой форме) сторону обсуждаемого диалектического противоречия. Однако в другом конкретном смысле и отношении (новое) содержание определяет свою (новую) форму, т.е. устанавливает пределы, ограничивает произвол в выборе (для себя новой) формы, ибо форма должна соответствовать содержанию. В свою очередь, форма есть сторона диалектического противоречия относительно устойчивая, определяющая свое содержание, т.е. устанавливающая пределы произвола в выборе для себя (своего) содержания, а также устанавливающая границы количественных изменений своего содержания, переход которых требует смены данной (старой, ставшей чужой) формы на качественно иную, более адекватную. Таким образом, форма лишь относительно инертна. Ее относительная пассивность предстает как специфический тип активности, как особый вид вмешательства в существование и развитие содержания. Обладая относительной самостоятельностью, и поэтому имея свою собственную внутреннюю "логику" функционирования и развития, т.е. способность к самоопределению, самодвижению и саморазвитию на своей собственной основе, форма не абсолютно безразлична, а относительно активна по отношению к содержанию: открывает широкий простор для одних способов существования и направлений развития содержания и "закрывает" возможно-

сти для других. Не только содержание в некотором смысле активно, подвижно, постоянно изменяется (движется) по отношению к фиксированной форме, является ведущей к качественно иной (новой) форме стороны диалектического противоречия, но и форма в некотором другом смысле активна, подвижна, изменяется (движется) по отношению к фиксированному содержанию, является ведущей к иному (новому) содержанию стороны диалектического противоречия. Накопление относительно независимых от содержания количественных изменений (преобразований) формы в конечном счете неизбежно "переходит" в качественное изменение содержания: велот от одного (старого) содержания к другому (новому) и в этом конкретном смысле и отношении изменяющаяся форма представляет собой ведущую (к новому содержанию) сторону обсуждаемого диалектического противоречия. Как раз эта продуктивная (эвристически значимая) активность преобразований (изменений) формы по отношению к фиксированному содержанию, дающая в результате новое (соответствующее измененной форме) содержание, и составляет собственно философскую сущность формализации в предельно общем значении этого слова.

В параграфе обсуждается различие "своего иного" (собственной диалектической противоположности) и "просто иного", диалектического отрицания и "зряшного". Абстрактный философский анализ диалектики содержания и формы, формализации и интерпретации, собственных и несобственных форм деятельности демонстрируется на конкретном материале из ригористической этики, юриспруденции и логики, в частности, на примере двузначной алгебры поступков. Развивается структурно-функциональный анализ собственных форм морально-правового содержания этических и юридических суждений и рассуждений, который сопоставляется со структурно-функциональным анализом несобственных форм указанного содержания. Демонстрируется необоснованность как абсолютного отождествления, так и абсолютного различения собственных и несобственных форм содержания качественно разнородных сторон деятельности.

В отличие от общеизвестного в логике истинностно-функционального подхода (I) к анализу логической формы дескриптивных суждений о действиях, а также логической формы моральных оценок и норм как суждений о действиях, предлагаемое новое научное направление "формального анализа ценностей" заключается в ценностно-

функциональном подходе (2) к анализу моральной формы поступков и действий вообще и моральных оценок как поступков, в частности. Простейшим конкретным примером ценностно-функционального подхода является двузначная алгебра поступков с ее ригористическими ценностными таблицами. Подходы 1 и 2 оказываются частными случаями более фундаментальной, синтезирующей научной программы, в рамках которой развиваются еще два качественно новых направления анализа оценок, норм и предпочтений: (3) ценностно-истинностные функции и этико-логические структуры (данное направление можно назвать логико-гносеологической этикой); (4) истинностно-ценностные функции и логико-этические структуры (это направление можно назвать этической логикой и гносеологией). Посредством 3 и 4 устанавливаются функциональные взаимосвязи между истинностными и ценностными значениями оценок как суждений и как поступков, дескриптивных высказываний (актов информирования) о действиях как суждений и как поступков, норм как суждений и как поступков (авторитета, продуцирующего нормы). Возможность и необходимость "смешанных" подходов 3 и 4 свидетельствует о том, что грань между "чужой" и "своей собственной" формой некоторого конкретного содержания не абсолютна, а относительна, подвижна, может перемещаться при существенном изменении условий, задач и конкретного отношения, в котором ведется анализ содержания. Диалектика внутренних и внешних форм содержания, предполагающая единую систему связанных друг с другом и развивавшихся друг в друга форм, относительно независимых от своего развивающегося содержания, является философской основой методологического требования не абсолютно противопоставлять "чужие" и "свои собственные" формы некоторого конкретного содержания, выявлять функциональные взаимосвязи и генетические взаимопереходы этих форм, естественным образом выстраивая их в единую систему. В обсуждаемом конкретном примере это философско-методологическое требование означает необходимость иметь в виду относительность противопоставления двух качественно различных научных направлений — истинностно-функционального ("чисто" логического) подхода к моральным оценкам как суждениям и ценностно-функционального ("чисто" этического) подхода к ним как поступкам. Формальная логика оценок и норм и формальная этика оценок и норм находятся в отношениях взаимосвязи, взаимодополнения и взаимомо-

делирования, т.е. взаимной эвристической значимости, обусловленной существенным подобием, глубокой аналогичностью логических и аксиологических структур. Аналогичность эта есть конкретное проявление диалектического единства познавательных и ценностных аспектов человеческой деятельности, следствие целостности и системности фундаментального субъект-объектного взаимодействия, являющегося базисом, сущностью всех философских (мировоззренческо-методологических) проблем.

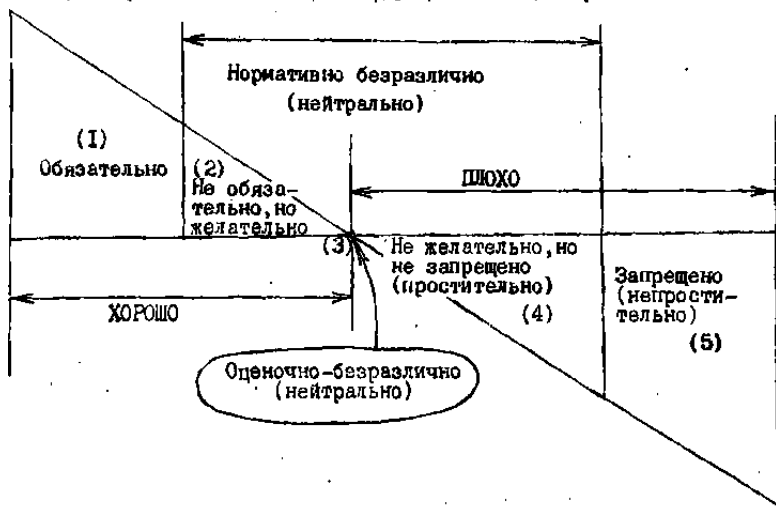
В § 1.2 осуществляется философская универсализация аппарата исчисления предикатов, придавая ему статус общего метода анализа собственных структур любых сторон человеческой деятельности. Понятия "логическая (лингво-синтаксическая) формализация мышления" и "семантическая интерпретация языковых выражений", употребляемые в символической логике, оказываются частными случаями используемых соискателем понятий "...ическая формализация человеческой деятельности" и "...ическая интерпретация ...ических схем человеческой деятельности". Развиваемая общал концепция ...ической формализации соответствующего фрагмента человеческой деятельности и ...ической содержательной интерпретации...ических форм или схем человеческой деятельности с помощью ...ических отношений, где переменная "..." принимает значения из множества сторон человеческой деятельности: логико-гносеологическая; морально-правовая; экономическая; эстетическая и т.п., представляется плодотворной методологической основой исследований в области "искусственного интеллекта" и робототехники. В свете этой философской концепции математический аппарат логики предикатов как именно математический в смысле Н.Бурбаки, т.е. как относительно независимый, освобожденный от специфической логико-гносеологической содержательной интерпретации, неразрывно связанной с понятиями "истинно", "доказуемо", "ложно", "опровержимо" и т.п., имеет методологическое значение далеко за пределами собственно логико-гносеологической, т.е. истинностной и выводной проблематики и, в частности, необходим для соответствующей (нелогической) формализации морально-правового, эстетического и вообще любых других аспектов человеческой деятельности. Следует обратить особое внимание на то, что вывод об универсальном значении математического аппарата логики предикатов для формализации деятельности, полученный в процессе абстрактных общеправовых рассуждений и апробированный на конк-

рентном примере этической формализации морально-правовой деятельности, хорошо соответствует наметившейся в рамках программы "Искусственный интеллект" тенденции применять язык логики предикатов в качестве языка программирования.

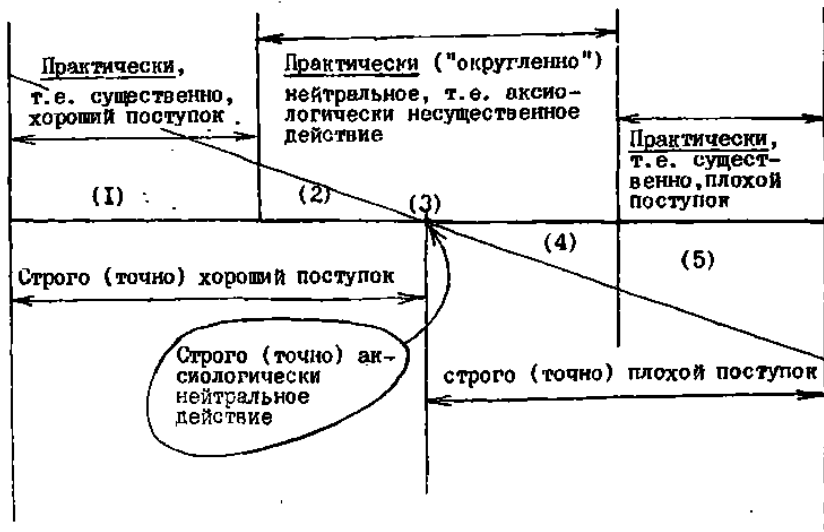
Глава 2 - "Формализация человеческой деятельности, свободный выбор, гуманизм, диалектика, нормы и приближенные оценки деятельности" - состоит из четырех параграфов. В § 2.1 сравниваются друг с другом ригористические и неригористические (реалистические) модели человеческой деятельности, демонстрируется непоследовательность эклектического смешения приближенных и строгих оценок поведения. Определяющие ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций ("несовершенство" и "объединение в поведение") ценностные таблицы, аналогичные соответствующим истинностным таблицам (для операций "отрицание" и "конъюнкция") четкой формальной логики, основательно критикуются с позиций реализма и гуманизма. Однако тем самым вовсе не "сводится к нулю", а лишь конкретно определяется сфера правомерности использования ригористических формально-этических моделей. Обсуждаются критические соображения, высказанные по поводу ригористических моделей Р.М. Чисомом, Э. Соусой, Г.Х. фон Вригтом и др. Подробно рассматривается вопрос Чисома-Соусы о том, сколько качественно различных состояний должно быть учтено при построении формально-этических схем. Делается вывод, что как для ригористических (строго хорошо, строго плохо, точно нейтрально), так и для неригористических (существенно хорошо, существенно плохо, практически, т.е. приблизительно, нейтрально) формально-этических моделей поведения оптимален в большинстве случаев набор из трех базисных качеств. Пять, семь или девять якобы абсолютно независимых этических качеств, встречающихся в концептуальных схемах некоторых авторов, могут быть с высокой степенью точности редуцированы к базисным триплетам ригористической и неригористической этики, полученные в результате их комбинирования (совмещения) друг о другом. Сказанное демонстрируется на примере анализа таких этических качеств как "сыперэрогэйшн" (хорошее, но необязательное действие) и "оффэнс" (действие плохое, но не запрещенное). Показывается, что дополнение теории оценок триплетом "округленных" аксиологических модальностей позволяет трактовать сыперэрогэйшн и оффэнс как резуль-

тат наложения (сочетания) строгих и приближенных оценок. Рассматриваются два различных способа "округления" оценок и аппроксимации ценностных морально-правовых функций - ужесточение и либерализация, выбор между которыми осуществляется не формально априори, а определяется содержанием конкретной ситуации и задач, стоящих перед обществом в этой ситуации, а именно - напряженно-критической, чрезвычайной или же практически беззаботной; благоприятной является обстановка.

В § 2.2 сыпเปอร์рогэйшн, оффэнс и этическая формализация человеческой деятельности рассматриваются с точки зрения теории приближенных оценок. Отношения между нормативными и оценочными понятиями в связи с обсуждением сыпเปอร์рогэйшн и оффэнс могут быть наглядно представлены в виде следующей ниже диаграммы I.

Согласно диаграмме, 2 и 4 представляют собой не что иное, как необязательные хорошие поступки и незапрещенные плохие поступки соответственно, т.е. сыпเปอร์рогэйшн и оффэнс. С точки зрения развиваемой теории приближенных ("округленных") морально-правовых оценок, диаграмма I может быть представлена в виде следующей ниже диаграммы II.

В параграфе проводится принципиальное различие между объективным утилитарным значением для общества совершаемых людьми действий и объективным морально-правовым значением этих действий. Вводятся в рассмотрение количественные величины (1) утилитарной значимости (полезности или вредности), (2) вероятности (или легкости) свободного осуществления, (3) морально-правовой значимости (хорошести или плохости) действий. Показывается, что (3) есть некоторая функция от двух переменных — (1) и (2). Некоторые свойства этой функциональной зависимости в ригористической этике таковы, что (III): всякое действие имеет точно нулевую величину морально-правовой хорошеи, если и только если: или (а) оно имеет точно нулевую величину утилитарной значимости; или (б) оно имеет точно нулевую величину вероятности осуществления, т.е. его реализация совершенно невероятна; или (с) его невыполнение имеет точно нулевую вероятность, т.е. его исполнение абсолютно неизбежно. В неригористической этике действие имеет приблизительно (практически) нулевую величину морально-правовой хорошеи, или из-за того, что (аа) оно имеет примерно равную нулю величину утилитарной значимости для общества, т.е. практически бесполезно и безвредно; или из-за того, что (бб) оно имеет приблизительно нулевую величину

вероятности осуществления, т.е. его реализация практически невероятна, хотя абстрактно-теоретически возможна (не исключена); или (са) его невыполнение имеет примерно нулевую вероятность, т.е. его исполнение практически неизбежно, хотя, абстрактно-теоретически говоря, иное течение событий, в принципе, возможно (не исключено). Пустяки в широком, т.е. морально-правовом смысле бывают трех видов, а именно: (аа) пустяки в узком, т.е. утилитарном, смысле слова, представляющие собой действия практически бесполезные и безвредные; (бб) практически невозможные, т.е. настолько маловероятные, что почти нереальные, совершенно нетипичные действия; (сс) так называемые "само собой разумеющиеся" действия. Это - типичные и привычные действия, которые практически невозможно не совершить. Сюда же относятся тривиальные акции, выполняющиеся почти автоматически, без особых усилий.

С точки зрения теории приближенных морально-правовых оценок подробно обсуждается формально-этическая концепция Р.М. Чисома и Э. Соусы о так называемых "важных" суперэрогациях и оффенс - не-обязательных практически невероятных подвигах ("святых" и героев) и незапрещенных практически невероятных ("дьявольских") злодеяниях. Показывается, что с неригористической (реально-гуманистической) точки зрения обсуждаемые действия, будучи в утилитарном отношении действительно социально-значимыми, не являются практически важными, существенными в собственно морально-правовом отношении из-за своей практической невероятности (требуют "нечеловеческих усилий") и именно по этой причине указанные социально значимые (общественно вредные или полезные) действия в практически адекватных кодексах не становятся предметом запретов или обязанностей, оказываются нормативно нейтральными.

В § 2.3 рассматриваются содержательные основы этической формализации деятельности и в особенности отношения эквивалентности и порядка на множествах поступков и действий. Осуществляется как ригористическая, так и неригористическая редукция оценок к предпочтениям и обратно. Подробно разъясняется и систематически используется отношение формально-этической равноценности поступков. Формально-этическая равноценность поступков определяется как формально-этическая равноценность морально-правовых форм этих поступков. В свою очередь, понятие формально-этической равноценности морально-правовых форм поступков определяется следующим обра-

зом. Морально-правовые формы поступков формально-этически равноценны тогда и только тогда, когда они принимают одинаковые морально-правовые значения из множества ("хорошо", "плохо") при любой возможной комбинации морально-правовых значений (из того же множества) входящих в эти формы переменных, т.е. элементарных морально-правовых форм поступков. Важно подчеркнуть, что отношение (1) формально-этической, т.е. аналитической, равноценности поступков нельзя отождествлять с отношением (2) фактической одинаковости морально-правовых значений или качеств поступков. По определению, если и только если действия фактически имеют одно и то же морально-правовое качество из трех ("хорошо", "плохо", "нейтрально"), то они находятся в отношении 2 друг к другу. При этом совпадение или различие количественной определенности, т.е. величины интенсивности, морально-правового качества действий не принимается во внимание. От нее абстрагируются. Дискретность и независимость от количественных различий роднит отношения 1 и 2 между собой. Оба являются чисто или абстрактно качественными. Однако отношения 1 и 2 не являются формально-логически равносильными, поскольку любые действия, находящиеся в отношении 1, находятся в отношении 2; но не всякие действия, находящиеся в отношении 2, находятся в отношении 1. Для компенсации указанной дискретно-качественной односторонности отношений 1 и 2 в рамках обсуждаемой формально-этической концепции используется отношение (3) фактической одинаковости модулей, т.е. абсолютных величин, количественной определенности морально-правового качества действий. При этом тождество или различие морально-правовых качеств действий не принимается во внимание. От качества абстрагируются. Кроме 1-3 обсуждается отношение (4) "полной или абсолютной равноценности" действий. По определению, действия находятся в отношении "полной или абсолютной равноценности", если и только если они, во-первых, фактически имеют одно и то же морально-правовое значение, т.е. качество, и во-вторых, фактически одинаковы по абсолютной величине количественной определенности своей морально-правовой значимости. Хотя 1-4 суть отношения эквивалентности в том смысле, что они рефлексивны, симметричны и транзитивны, их ни в коем случае нельзя отождествлять полностью, ибо никакое из них логически не равносильно никаким другим. В частности, очень важно иметь в виду: из формально-этической равноценности поступков еще вовсе не сле-

дует логически, что они полностью морально равноценны с содержательной точки зрения; из того, что поступки с содержательной точки зрения полностью морально равноценны, логически еще не следует их формально-этическая равноценность.

Кроме указанных отношений эквивалентности рассматривается отношение предпочтения "...объективно лучше, т.е. более хорошо или менее плохо, чем ..." (в морально-правовом отношении)". Это отношение предпочтения имеет место, если и только если одно действие объективно лучше, чем другое по морально-правовому качеству или по его количественной величине. В ригористической этике редукция оценок к предпочтениям и обратно осуществляется посредством следующих универсальных формально-этических принципов: (B1) действие строго (точно) хорошо, если и только если его совершение строго (точно) лучше, чем его несовершенство; (B2) действие строго (точно) плохо, если и только если его несовершенство строго (точно) лучше, чем его совершение; (B3) действие строго (точно) нейтрально аксиологически, если и только если его совершение аксиологически строго (точно) равноценно его несовершенству. В интересах развития неригористической этики предлагается рассмотреть в логике оценок качественно новые аксиологические модальности: суждение типа "действие... практически, т.е. "округленно", нейтрально или, что то же самое, приблизительно безразлично; суждение типа "действие... является практически хорошим"; суждение типа "действие... является практически плохим". (B15) Действие, по определению, является практически, т.е. существенно, хорошим, если и только если оно строго (точно) хорошо и неверно, что количественная величина его хорошиности примерно ("округленно") равна нулю. (B16) Действие, по определению, практически, т.е. существенно, плохо, если и только если оно строго (точно) плохо и неверно, что количественная величина его плохости примерно ("округленно") равна нулю. Отсюда следует, что: (B17) не для всякого действия верно, что оно практически (существенно) хорошо, если и только если его совершение строго (точно) лучше его несовершенства; (B18) не для всякого действия верно, что оно практически (существенно) плохо, если и только если его несовершенство строго (точно) лучше его совершения; (B19) не для всякого действия верно, что оно практически (приблизительно) нейтрально в оценочном смысле, если и только если его несовершенство строго (точно) равноценно его совершению.

Вместо утверждений, обоснованно отрицаемых положениями ВГ7-Г9, в логике "округленных" оценок оказываются справедливыми соответственно следующие утверждения: (В20) действие практически, т.е. существенно, хорошо, если и только если его совершение строго (точно) лучше его несовершенства и неверно, что его совершение аксиологически приблизительно равноценно его несовершенству; (В21) действие практически (существенно) плохо, если и только если его несовершенство строго (точно) лучше его совершенства и неверно, что его несовершенство аксиологически приблизительно равноценно его совершенству; (В22) действие практически (примерно) нейтрально, если и только если его несовершенство аксиологически приблизительно равноценно его совершенству. Отношение примерной морально-правовой равноценности действий не является отношением эквивалентности, но является отношением толерантности, так как рефлексивно, симметрично, но не транзитивно. Наряду с отношением строгого предпочтения "... строго (точно) лучше, чем..." рассматривается отношение практического предпочтения - "действие... практически лучше или, что то же самое, значительно лучше, чем действие..." . (В37) Для любых двух действий верно, по определению, что одно из них существенно (значительно) лучше, чем другое, если и только если первое строго (точно) лучше, чем второе и неверно, что они приблизительно равноценны. (В39) Действие существенно хорошо, если и только если его совершение существенно лучше, чем его несовершенство. (В40) Действие существенно плохо, если и только если его несовершенство существенно лучше, чем его совершение.

В § 2.4 рассматривается формализация свободного выбора: объективно необходимые предпочтения, субъективный произвол и факультативные действия с ригористической и реально-гуманистической точек зрения. Вначале формулируется ригористический критерий рациональности альтернативного морально-правового выбора между поступками, а затем - ригористический критерий рациональности неальтернативного выбора. Определяются перформативные значения обеих ригористических операций свободного выбора и их ценностно-функциональный смысл в двузначной и трехзначной формальной этике. Далее вместо ригористических дефиниций рациональности и других характеристик морально-правовых операций свободного альтернативного и неальтернативного выбора предлагаются неригористические (практически адекватно "округленные") определения перформативных значений, ценностно-

функционального смысла и критериев рациональности этих операций. Если в ригористических дефинициях выбор посредством соответствующего объективного предпочтения базируется на отношении "... строго (точно) лучше, чем...", а выбор относительно "произвольный" - на отношении "... абсолютно (точно) равноценно...", то в соответствующих неригористических (практических) определениях выбор посредством уместного объективного предпочтения основывается на отношении "... существенно лучше, чем...", а выбор относительно "произвольный" - на отношении "... приблизительно равноценно...". Это различие дает возможность при некоторых условиях в рамках неригористической (реально-гуманистической) формальной этики считать выбор практически (приблизительно) рациональным, иногда даже в том случае, когда из факультативных действий и только из них свободно выбирается, строго (точно) говоря, не самое лучшее, не хорошее, а плохое, но с практической точки зрения несущественное, незначительное для общества действие. Обращается внимание на то, что сформулированные критерии рациональности указанных операций выбора алгоритмичны и могут использоваться не только в этике и праве, но и для структурно-функционального анализа других сторон человеческой деятельности.

Глава 3 - "Основные формально-этические законы человеческой деятельности с точки зрения диалектического и исторического материализма" - посвящена обобщению формально-логических законов "противоречия (непротиворечия)" и "исключенного третьего (среднего)". Это обобщение осуществляется не в рамках предмета логики, как, например, при переходе к многозначной (более чем двузначной) логике, а выходит далеко за пределы предмета логики как науки о рациональном мышлении. Законы "противоречия (непротиворечия)" и "исключенного среднего (третьего)" трактуются как общие законы любых двузначных моделей собственных ...-ических структур качественно различных сторон человеческой деятельности (мыслительно-речевой, морально-правовой, эстетической и т.п.). В качестве конкретного материала для демонстрации эвристических возможностей указанного обобщения рассматривается морально-правовая деятельность, по отношению к ригористическим фрагментам которой принципы "морально-правовой непротиворечивости, т.е. последовательности, поведения" и "исключенного среднего (третьего), т.е. ненейтральности, определенности, принципиальности позиций субъектов в борьбе добра и

ала" имеют статус формально-этических законов. В § 3.1 на примере формально-этической модели ригористической морали и права обсуждается отношение основных формально-этических законов поведения к "простым нормам нравственности" и к философским принципам историзма, партийности, классовости, относительности истины и т.п. Указанные философские принципы не исключают существования в морали и праве моментов общечеловеческих. К последним относится, например, так называемые "простые нормы нравственности". Пустое множество формально-этических законов морально-правовой деятельности есть подмножество непустого множества общечеловеческих законов. Формально-этические законы не абсолютны, сфера их действия существенно ограничивается и условия корректной применимости определяются диалектикой исторического развития человеческого общества. В параграфе обсуждается проблема "тавтологичности" формально-этических общечеловеческих норм поведения.

В § 3.2 основные формально-этические законы деятельности рассматриваются в свете диалектико-материалистического принципа конкретности. Показывается, что в некоторых конкретных условиях и отношениях ригористические формально-этические законы "моральной непротиворечивости (последовательности) деятельности" и "исключенного среднего (третьего), т.е. моральной определенности, ненейтральности позиций в борьбе добра и зла" имеют как теоретическую ценность, так и непреходящее практическое значение. Приводятся многочисленные эмпирические основания упомянутых теоретических законов, разъясняется их суть и нюансы формулировки. Конкретно определяется сфера теоретической правомерности и практической эффективности их использования. Подчеркивается, в частности, что к этой сфере относятся только те фрагменты поведения, которые сознательно осуществляются субъектом при наличии нравственной свободы выбора. Действия, совершаемые по навязанной извне необходимости, например, вынужденные действия "в пределах необходимой обороны" или по причине "крайней необходимости" и т.п. не относятся к области действия обсуждаемых формально-этических законов. Объективно точно нейтральные в морально-правовом отношении, а также, строго говоря, не нейтральные, но пустяковые, незначительные с практической точки зрения действия тоже исключаются из сферы обоснованной применимости упомянутых законов. Граница между объективно вынужденными и свободными, пустяковыми и важными, точно нейтральными и, строго говоря, не нейтральными

ни дейст^вий не может быть задана чисто формально, априори, раз и навсегда, а меняется в зависимости от содержания стоящих перед обществом задач и конкретных условий, в которых эти задачи требуется решить.

В § 3.3 основные формально-этические законы деятельности рассматриваются в свете диалектико-материалистических принципов изменения, развития, "перехода количества в качество", принципиальной расплывчатости, неопределенности границ при переходных состояниях. Ригористические формально-этические законы, относящиеся к абстрактно-гуманистической морали, основательно критикуются с диалектических позиций реального гуманизма, рассматриваются в тех конкретных сферах, отношениях и условиях, в которых их универсальный характер, а значит, и статус как законов оказывается эмпирически и теоретически необоснованным. Важный класс контрпримеров для ригористических формально-этических законов "непротиворечивости деятельности" и "исключенного среднего" представляют те конкретные ситуации и задачи, в которых существенны именно процессы перехода, изменения и развития, возникновения и исчезновения морально-правовых качеств и необходимо связанные с этими процессами моменты объективной неопределенности, расплывчатости, нечеткости, неустойчивости морально-правовых характеристик деятельности. В упомянутых выше ситуациях и задачах решающим фактором для адекватного определения морального значения формально-этически противоречивого (непоследовательного), с ригористической точки зрения, поведения оказывается направленность процесса нравственного развития субъекта. Поэтому неклассическая (неригористическая) формально-этическая система, успешно справляющаяся с указанными диалектическими контрпримерами к ригористическим формально-этическим законам "непротиворечивости поведения" и "исключенного среднего" и специально предназначенная для практически адекватного определения общественной ценности поступков в случае существенности переходных состояний, должна быть системой формальной этики направленности (изменения линии поведения). В связи с этим представляется эвристически плодотворной аналогия с неклассической формальной логикой, в рамках которой существует четырехзначная система логики направленности Л. С. Роговского, специально предназначенная для более тонкого и точного (по сравнению с классической двузначной логикой) описания объективно существующих в действительности пере-

ходных процессов изменения и развития, возникновения и исчезновения.

В параграфе сначала формулируется обобщение ригористических формально-этических законов (тождественно-хороших морально-правовых форм деятельности) двузначной алгебры поступков (хороших или плохих действий) до более фундаментальных ригористических формально-этических законов трехзначной алгебры любых действий, в том числе и нейтральных, а не только поступков. Затем полученные результаты генерализации подвергаются новой критике и дальнейшему обобщению в процессе перехода к рассмотрению практических (приближенных) оценочных модальностей (существенно хорошо, существенно плохо, приблизительно нейтрально). В рамках теории неригористических ("округленных") морально-правовых оценок формально-этические законы "непротиворечивости (последовательности) поведения" и "исключенного среднего" формулируются так, что формально-этическая противоречивость, непоследовательность, неустойчивость поведения, а также неопределенность, нейтральность жизненных позиций и безразличие, равнодушие вполне допустимы с практической морально-правовой точки зрения реализма и гуманизма, если и только если речь идет о мелочах, пустяках, т.е. о действиях практически ("округленно") нейтральных, хотя, строго говоря, хороших или плохих, но в незначительной, практически неолутимой степени. Ригористические морально-правовые запреты формально-этической противоречивости, т.е. непоследовательности, неустойчивости, поведения и нейтральности жизненных позиций, безразличия и равнодушия оказываются действительно практически обоснованными в тех и только тех конкретных условиях, когда речь идет о практически существенных действиях (существенно хороших или существенно плохих). Для тех же действий, которые практически (приблизительно) аксиологически безразличны, т.е. представляют собой в оценочном отношении мелочь, пустяк, в ситуациях относительного благополучия реальный гуманизм заключается в терпимости к несущественным компромиссам, проявлениям неустойчивости, гибкости, лавирования, нейтралитета, безразличия и неважельства в борьбу добра и зла по пустякам. Абсолютно строгая (ригористическая) принципиальность во всем вплоть до пустяков, объективно ведет (в обстановке относительного благополучия) к обезчеловечиванию субъекта, к превращению его в мелочного аскета-заву-ду. Объективная диалектика нравственной жизни такова, что абсолют-

ная бескомпромиссность, непримиримость во всем вплоть до мелочей, приводит к своей абсолютной противоположности ("противоположности в крайностях сходятся"), так как в бесконечных конфликтах и спорах по пустякам нередко исчезает главное.

Глава 4 - "Структурно-функциональная взаимосвязь различных аспектов, уровней и сторон человеческой деятельности" - состоит из трех параграфов. В § 4.1 анализируется взаимосвязь оценок и норм: критерии формально-этической полноты и формально-этической непротиворечивости кодексов норм относительно соответствующих систем оценок и проблема существования факультативных действий. Согласно ригористическому критерию, кодекс норм формально-этически адекватен, т.е. формально-этически непротиворечив и полон, по отношению к соответствующей трехзначной системе оценок, если и только если (K10): всякое хорошее действие обязательно, а всякое обязательное является хорошим; всякое плохое действие запрещено, а всякое запрещенное является плохим; всякое нормативно безразличное действие оценочно безразлично, а всякое оценочно безразличное является нормативно безразличным. Формально-этическая полнота в указанном ригористическом смысле равносильна истинности положения (K11): всякое хорошее действие обязательно; всякое плохое действие запрещено; всякое оценочно нейтральное действие нормативно нейтрально. Формально-этическая непротиворечивость в том же ригористическом смысле равносильна истинности положения (K12): всякое обязательное действие хорошо; всякое запрещенное действие плохо; всякое нормативно нейтральное действие оценочно нейтрально. Сформулированные ригористические критерии рациональности (адекватности) кодексов норм относительно соответствующих систем оценок подвергаются в параграфе основательной критике с позиций реализма и гуманизма как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. В связи с этим вновь подробно анализируются такие морально-правовые феномены как суперэрогация (необязательное добро) и оффенс (незапрещенное зло) и их трактовки Дж.О. Армсоном, Р.М. Чисомом, М. Шымэйке-ром и др.

Вместо "бесчеловечно строгих" и "беспощадных" абстрактно-гуманистических определений K10 - K12 предлагаются следующие "мягкие", "либеральные", "снисходительные к человеческим слабостям в мелочах" и в этом смысле реально-гуманистические дефиниции формально-этической адекватности кодексов. (K25) Действие обязательно, если

и только если оно хорошо и не является практически (приблизленно) оценочно нейтральным; действие запрещено, если и только если оно плохо и не является практически ("округленно") оценочно нейтральным; действие нормативно нейтрально, если и только если оно практически несущественно, т.е. примерно аксиологически безразлично; действие разрешено, если и только если оно либо хорошо, либо плохо, но практически несущественно в своей плохости, т.е. приблизительно аксиологически нейтрально. (К32) Кодекс норм практически формально-этически адекватен, т.е. практически полон и практически непротиворечив по отношению к соответствующей системе оценок, если и только если: всякое обязательное действие является существенно хорошим, а всякое существенно хорошее действие обязательно; всякое запрещенное действие является существенно плохим, а всякое существенно плохое действие запрещено; всякое нормативно безразличное действие практически несущественно в оценочном смысле, а всякое практически несущественное в оценочном отношении действие нормативно безразлично. (К68) Кодекс норм практически формально-этически полон относительно соответствующей ему системы оценок, если и только если: всякое хорошее и не являющееся приблизительно аксиологически безразличным, т.е. существенно хорошее, действие обязательно; всякое плохое и не являющееся практически ("округленно") оценочно безразличным, т.е. существенно плохое, действие запрещено; всякое практически (примерно) безразличное в оценочном смысле действие нормативно безразлично; всякое такое действие, которое либо хорошо, либо незначительно плохо, является разрешенным. (К71) Кодекс норм практически формально-этически непротиворечив относительно соответствующей ему системы оценок, если и только если: всякое обязательное действие хорошо и не является приблизительно оценочно нейтральным, т.е. существенно хорошо; всякое запрещенное действие плохо и не является приблизительно оценочно нейтральным, т.е. существенно плохо; всякое нормативно безразличное действие приблизительно ("округленно") безразлично в аксиологическом отношении; всякое разрешенное действие либо хорошо, либо незначительно плохо. В развиваемой концепции оказывается, что (К45): существуют такие действия, которые не являются ни обязательными, ни запрещенными, ни абсолютно (точно) оценочно безразличными, и которые к тому же разрешается как совершать, так и не совершать. Те факультативные (в смысле разрешенности как совершения, так и

несовершения) действия, о существовании которых идет речь в К45, как раз и представляют собой либо сыпэрэрогэйши, либо оффэнс. Сыпэрэрогэйши и оффэнс морально безразличны в строгом (точном) оценочном смысле, но они безразличны в нормативном смысле, т.е. не-обязательны и не запрещены.

Развиваемый в параграфе вариант решения проблемы редукции рациональных систем норм к соответствующим системам адекватных оценок хорошо согласуется с оригинальным вариантом такого рода редукции, предложенным А.А.Ивиным¹. Согласно А.А.Ивину, в рациональной системе норм, нечто, по определению, обязательно, если и только если истинна конъюнкция двух условий: (1) это нечто является хорошим; (2) хорошо, что это нечто осуществление этого нечто влечет (в смысле релевантной импликации) санкции – применение наказания и т.п. неприятные последствия. Согласно реферируемой диссертации, в рациональной системе норм нечто, по определению, обязательно, если и только если это нечто существенно хорошо, т.е. если и только если истинна конъюнкция двух условий: (1) это нечто является хорошим; (2) неверно, что это нечто является аксиологически приближенно ("округленно") нейтральным, неважным, т.е. пустяком с практической точки зрения. Если допустить, что оба варианта редукции верны, то сделав элементарные логические преобразования, получим следствия: (А) тогда и только тогда хорошо то, что невыполнение хорошего действия неизбежно влечет наказание, когда это действие не является практически несущественным, пустяковым, т.е. приблизительно нейтральным в морально-правовом оценочном отношении; (В) хорошее действие в практическом морально-правовом отношении аксиологически несущественно, "округленно" нейтрально, представляет собой пустяк, если и только если нехорошо наказывать за его невыполнение. Полученные следствия хорошо соответствуют реально-гуманистическим (неригористическим) морально-правовым принципам, многочисленным фактам и неригористической морально-правовой интуиции. Хотя авторы рассмотренных вариантов редукции шли разными путями, подошли к изучаемому явлению с разных сторон и описали эти его разные стороны на разных языках, оказывается, что предло-

¹ Ivin A.A. Values: The Central Topic of Contemporary Epistemology II Abstracts of 8 International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. – Moscow, 1987. – V.4. Part 1. – P.281–284.

жеские описания и подходы находятся в единстве и взаимодополняют друг друга.

В параграфе обсуждается теоретическая дискуссия по проблеме "рациональности разрешения поступать плохо". У.Годвин, Д.Маки, Д.Никел и другие ригористически настроенные этики, юристы и логики категорически отрицают с позиций абстрактного гуманизма логическую возможность и морально-правовую рациональность такого рода разрешений. Д.Рез, Р.Дворкин, Д.Уэлдрон и другие неригористически настроенные авторы эмпирически и теоретически обосновывают логическую возможность, фактическую действительность и морально-правовую рациональность существования такого рода разрешений: "Показать, что человек имеет право совершить данный поступок, значит показать, что даже если этот поступок плох, человеку дозволено совершить его"¹. В диссертации делается вывод, что обе точки зрения содержат необоснованно преувеличенные до метафизических крайностей "рациональные зерна истины". Каждая из них справедлива, но не абсолютно универсальна, а лишь в некоторой ограниченной области, а именно: принцип Годвина всегда верен, если под оценкой "плохо" понимать "существенно плохо", но Уэлдрон и другие правы, считая, что этот принцип не всегда верен, если под оценкой "плохо" понимать "просто (точно) плохо и ничего более", ибо он неверен, когда плохое действие является незначительным проступком, т.е. когда оно несущественно плохо. С другой стороны, принцип Уэлдрона всегда верен, если под оценкой "плохо" иметь в виду "плохо, но пустяк", "мелочь", т.е. когда действие незначительно плохо, но он всегда не верен, когда действия плохи, но пустяками не являются, т.е. когда они существенно плохи. Конкретными примерами возможности, действительности и практической (неригористической) морально-правовой рациональности "права поступать плохо" являются разрешения абортов, курения (в специально отведенных для этого местах) и т.п.

В § 4.2 рассматривается единство различных сторон человеческой деятельности: глубокие аналогии и функциональные связи познавательных и ценностных структур. Обсуждается изоморфное соответствие релевантных фрагментов классической двузначной формальной логики, ригористической двузначной формальной этики и клас-

¹ Waldron J. A Right to Do Wrong // Ethics. — 1981. — V.92. — P.24.

сиристской ("черно-белой") формальной эстетики. Единство качественно различных собственных структур истины, добра и красоты имеет множество уровней, представляет собой сложную систему - иерархию структур. Простейший и абстрактнейший уровень этой системы - ригористически определенные, абсолютно четкие двузначные структуры: классическая логика, ригористическая этика, классицистская эстетика. Назовем данный уровень единства структур истины, добра и красоты классическим (сходство названий эстетических и логических "черно-белых" систем отнюдь не случайно). Возможны самые разные отклонения от классики: недвузначные, нечеткие ("размытые") и т.д., порождавшие иерархическую систему качественно различных структурных уровней единства логики, этики и эстетики. Методологически важно в этой связи подчеркнуть, что единство типа изоморфного соответствия структур истины, добра и красоты возможно лишь в том случае, когда сопоставляются логические, этические и эстетические структуры одного и того же уровня абстрактности, например, классические (ригористические) с классическими (ригористическими), трехзначные с трехзначными, нечеткие с нечеткими и т.п. При сопоставлении трехзначных систем с двузначными, "размытых" с четкими и т.п., единства структур в форме их изоморфного соответствия, вообще говоря, не будет, хотя отсюда вовсе не следует логически, что вообще никакого соответствия (подобия, единства) между ними нет. Если, как это иногда делается при метафизическом противопоставлении логики, этики и эстетики, ригористическая (классическая двузначная) логическая структура сравнивается с этическими и эстетическими структурами качественно другого уровня абстрактности - структурами неригористической недвузначной этики реального гуманизма или неригористической недвузначной эстетики реализма (сходство корней подчеркнутых слов не случайно), затем констатируется факт отсутствия изоморфного соответствия сравниваемых структур и на этом основании делается вывод, что никакого соответствия структур логики, этики и эстетики (истины, добра и красоты) нет, то такой вывод является логико-методологически необоснованным. Во-первых, методологически необоснованно стремление найти (установить) именно изоморфное соответствие между структурами качественно разного уровня сложности. Во-вторых, даже между неизоморфными (но сопоставимыми) структурами разного уровня конкретности и сложности некоторых более общее, чем изоморфизм соответствие имеется. Если некоторую бо-

лее простую ("бедную") систему логики отобразить в некоторую более сложную ("богатую") систему этики и затем посредством серии абстракций, например, отождествления "отсечь" все то в более сложной этической системе, для чего не нашлось аналогов в более простой логической, то в результате мы получим этическую и логическую системы одинакового уровня абстрактности (конкретности) и сложности с изоморфными структурами. Если же, наоборот, посредством конкретизации и дифференциации, т.е. введения серии конкретизирующих различий, обогатить, дополнить, достроить упомянутую более простую систему так, чтобы в ней для всего, что есть в упомянутой более богатой системе, нашлся соответствующий аналог, то в результате мы опять получим этическую и логическую системы одного и того же уровня конкретности и сложности, но теперь уже большей.

Сказанное означает, вообще говоря, взаимную эвристическую ценность отношений взаимного моделирования между логикой, этикой и эстетикой даже (особенно) тогда, когда, как это действительно часто случается, логические, этические и эстетические структуры одинакового уровня абстрактности и сложности имеют в этих разных науках обусловленное спецификой практических задач качественно различное положение - распространенность, приемлемость, используемость, и играют нередко разную по своей важности роль. Причина этого в том, что многие практические задачи, имеющие наряду с другими сторонами еще и этические, эстетические и логические аспекты, допускают в процессе своего решения существенно различные степени подробности и точности логических, этических и эстетических моделей и "вычислений". Практически приемлемое (необходимое и достаточное) решение комплексной междисциплинарной задачи может быть иногда получено посредством использования неоднородной "смеси" неизоморфных друг другу логических, этических и эстетических структур, находящихся в отношении "модель-оригинал".

Согласно развиваемой философской концепции, нечто глубоко аналогичное морально-правовым явлениям сюрреализма и оффенс существует и в логико-гносеологической сфере. Для обнаружения указанных феноменов необходим эффект наложения (комбинирования) ригористических и неригористических структур. Для этого в параграфе формулируется неригористическая концепция истинностных модальностей: (1) существенно истинно; (2) существенно ложно; (3) гносеологически несущественно, т.е. количественная величина истинности (или

ложности) приблизительно равна нулю. Аналогами суперэрогайн и оффанс в логико-гносеологической сфере являются соответственно "истинное, но недоказуемое (в данной теории)", и "ложное, но неопровержимое (в данной теории)", положения. Очевидно, что эти свойства относительны. Аналогами деонтических модальностей (обязательно; запрещено; нормативно нейтрально, т.е. не обязательно и не запрещено) выступают при этом доказуемые модальности: доказуемо; опровержимо; доказуемостно нейтрально, т.е. не доказуемо и не опровержимо, соответственно. В ригористической логике и теории познания теория семантически адекватна, если и только если она семантически ригористически полна и непротиворечива. Она ригористически семантически полна, если и только если в ней: все истинное доказуемо; все ложное опровержимо; все истинностно нейтральное доказуемостно нейтрально. Она ригористически семантически непротиворечива, если и только если в ней: все доказуемое истинно; все опровержимое ложно; все доказуемостно нейтральное истинностно нейтрально. В неригористической логике и гносеологии теория практически семантически адекватна, если и только если она практически семантически полна и практически семантически непротиворечива. Она практически семантически полна, если и только если в ней: все существенно истинное доказуемо; все существенно ложное опровержимо; все гносеологически несущественное доказуемостно нейтрально. Она практически семантически непротиворечива, если и только если в ней: все доказуемое существенно истинно; все опровержимое существенно ложно; все доказуемостно нейтральное гносеологически несущественно. Демонстрируется, что неригористический (практический) критерий семантической рациональности (адекватности) научных теорий лучше соответствует реальной истории и логике науки, чем ригористический. Обращается внимание на то, что с неригористической точки зрения, построенная К. Гёделем - Дж. Россером истинная в стандартной арифметической интерпретации формальной теории S , но при условии непротиворечивости S недоказуемая в S формула может оказаться, в принципе, (хотя пока строго метатеоретически это не доказано и не опровергнуто) логико-гносеологическим аналогом суперэрогайн для теории S , т.е. недоказуемой в S , но гносеологически несущественной (пустяковой) для S истинной, количественная величина истинности которой в стандартной арифметической интерпретации приблизительно равна нулю, и, следовательно, упомянутая формула практически истинностно нейтральна. В этом случае, не удовлетворяя ригори-

стическому критерию адекватности, формальная арифметическая теория С может претендовать на неклассическую адекватность в определенном выше неригористическом смысле. В параграфе обсуждаются неригористические формулировки логических законов "непротиворечия" и "исключенного третьего", а также критерии гносеологической рациональности выбора научных теорий. От (1) "чисто истинностных" и (2) "чисто ценностных функций" осуществляется переход к "смешанным" (3) истинностно-ценностным и (4) ценностно-истинностным функциям, реализующим "стык" собственно этических и собственно логических (гносеологических) проблем формализации деятельности. В качестве 4 обсуждается формально-логическая семантика морально-правовых оценок действий, а в качестве 3 - морально-правовой (формально-этический) статус дескриптивно-индикативных высказываний (актов информирования) о совершении действий. Сложная "смешанная" функциональная связь формально-этических и формально-логических аспектов обнаруживается в таком явлении как морально-правовая ответственность за совершение действий.

В § 4.3 сопоставляются этически формализованные моральные (правовые) кодексы норм (стапонов) деятельности и логически формализованные этические (юридические) теории. На примере этики И.Канта демонстрируется, что формальность этического исследования относительна. Рассматриваются 9 специфических уровней (смыслов) формальности. Демонстрируется, что на любом из этих уровней этика не является "чисто" формальной, а представляет собой единство формы и содержания. Обсуждается статус формальной этики в системе единой философской науки этики. В заключении подводятся итоги и указываются направления дальнейших исследований. Основное содержание диссертации опубликовано в следующих работах:

Монографии

1. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. - Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. - 270 с.
2. "Искусственный интеллект", формальная этика и морально-правовой выбор. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. - 188 с.

Статьи и тезисы докладов

3. Моральные оценки как суждения и как поступки: критика позитивистской метаэтики // Филос. науки. - 1985. - № 1. - С. 82-89.
4. К вопросу об использовании методов формализации для уточнения фрагментов философского знания // Диалектика, логика и методоло-

- тия науки. - Свердловск, 1977. - С. 100-112.
5. О некоторых применениях модальной логики к категориям этики // Проблемы логики и методологии науки. - Новосибирск, 1982. - С. 256-268.
 6. Проблема соотношения чувственного и рационального в моральных оценках и нормах: критика эмотивизма // Чувственное и рациональное. - Свердловск, 1982. - С. 78-84.
 7. Новая нелогическая интерпретация математического аппарата классической логики предикатов первого порядка // Логика, познание, отражение. - Свердловск, 1984. - С. 33-58.
 8. Логическая структура научных теорий и их связь с практической деятельностью // Наука и развитие общественных отношений. - Свердловск, 1980. - С. 40-42.
 9. К вопросу об использовании методов формализации в процессе преподавания философии // Использование наглядных пособий и ТСО в преподавании философии. - Свердловск, 1979. - С. 31-35.
 10. Использование методов формализации в процессе преподавания этики в техническом вузе // Преподавание философии и профиль вуза. - Свердловск, 1982. - С. 75-81.
 11. Научная теория как система высказываний, проблем и побуждений // Анализ системы научного знания. - Свердловск, 1984. - С. 54-58.
 12. Формализация фрагментов содержательного знания в поисковой деятельности // Диалектика научного поиска. - Свердловск, 1984. - С. 87-97.
 13. Структурные основания моральной ценности и обязательности человеческих действий (Новый подход к оценочным и нормативным модальностям) // Препринты докл. сов. ученых к VIII Всемир. филос. конгрессу "Философское понимание человека" / Великобритания, Брайтон, 21-27 авг. 1988 г. / М.: АН СССР. Ин-т философии, Сов. оргкомитет по подготов. VIII Всемир. филос. конгр., 1988. - С. 84-91.
 14. Логика действий, логика оценок, логика предпочтений и морально-правовой выбор // Логика и системные методы анализа научного знания: Тез. докл. к IX Всесоюз. созещ. по логике, методологии и философии науки. Секции 1-5. - М., 1986. - С. 208-210.
 15. Methodologic significance of approximate treatment of evaluations and preferences for justification of norms and choice acts // Abstracts of 8th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (17-22 august). - Moscow, 1987. - Section 6. Vol. 4. Part 1. - P. 381-384.

16. Логика морали и мораль логики: логическая семантика оценочных суждений и моральные значения оценок как поступков // Мораль. Традиции. Воспитание: Тез. докл. регион. науч. конф. - Уфа, 1987. - С. 25-27.
17. Алгебраизация отдельных фрагментов этики как предпосылка их формализации // Тез. конф. "Проблемы и перспективы использования логики-кибернетической техники". - Свердловск, 1980. - С. 49-51.
18. Границы применимости алгебры поступков в качестве средства анализа моральных оценок // Там же. - С. 51-54.
19. Логико-алгебраические методы оптимизации моральных и правовых кодексов как средств управления поведением // Тез. докл. к теор. семинару "Методологические вопросы оптимизации управления и повышения его эффективности". - Калинин, 1981. Ч. 3. - С. 53-56.
20. Исчисление поступков как математическая модель поведения, позволяющая успешно использовать ТОО в преподавании этики и права // Тез. конф. "Проблемы и перспективы использования технических средств обучения". - Свердловск, 1981. - С. 21-23.
21. Этическая непротиворечивость и полнота исчисления поступков как предпосылка эффективного использования ТОО в преподавании этики и права // Там же. - С. 24-26.
22. Булева алгебра поступков как математическая модель и метод анализа некоторых сложных моральных систем // Методология системных исследований: Тез. докл. I Всесоюз. шк. молодых ученых и специалистов. - М., 1981. - С. 74.
23. Формализованные кодексы как наглядные знаковые модели моральных систем // Средства наглядности и активизации мышления студентов на занятиях по философии. - Свердловск, 1982. - С. 124-127.
24. Количественный критерий рациональности эмоционального поведения // Рациональность и семиотика поведения. - Киев, 1986. - С. 14-15.
25. Логика норм и качественные критерии рациональности эмоций // Там же. - С. 15-16.
26. Аргументация морально-правовых оценок человеческой деятельности и модальная логика оценок // II Семинар молодых ученых по проблемам аргументации: Тез. докл. - Ереван, 1986. - С. 21-23.

